

УДК 94 (470) «1950/1990»

**«С ПАМЯТЬЮ В СЕРДЦЕ»: ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОРОДАХ-ГЕРОЯХ
СЕВАСТОПОЛЬ, КЕРЧЬ И НОВОРОССИЙСК (1950–1980-Е ГГ.)¹**

Попов А. Д.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: rushistcfu@mail.ru*

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников охарактеризованы основные формы и методы патриотического воспитания в Севастополе, Керчи и Новороссийске, которые были связаны с памятью о Великой Отечественной войне. На основе сравнительного анализа основных институциональных форм (мемориальной, музейной, поисковой, зрелищной, туристической, экскурсионной, спортивной) и ритуализованных практик коммеморации, автор приходит к выводу о том, что воспитательно-патриотическая работа в городах-героях Причерноморья отличалась массовой вовлеченностью различных поколений и категорий населения, разнообразием, общностью взглядов на события прошлого. Период резкой активизации такой деятельности приходится на вторую половину 1960-х гг. В целом патриотическое воспитание и мемориальные традиции во всех рассмотренных городах развивались в рамках общего канона, несмотря на то, что с 1954 г. в административно-территориальном отношении они относились к двум разным союзным республикам и официально получили статус городов-героев в разные годы.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, город-герой, воспитание, патриотизм, мемориальная культура, СССР.

7 апреля 1968 г. в Новороссийске, тогда ещё не получившим статус города-героя, состоялось знаменательное событие. По инициативе городского патриотического клуба подростков «Шхуна ровесников», созданного в 1965 г. журналистом газеты «Новороссийский рабочий» Константином Подымой, на дно Цемесской бухты была спущена замурованная в бетонный саркофаг капсула с посланиями потомкам, которую предполагалось извлечь в 2017 году [1, с. 102–121; 2, с. 82–83]. Несмотря на то, что такие послания в ходе мероприятий по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции закладывались и во многих других советских городах, новороссийский случай всё же является особенным. Помимо оригинального способа закладки капсулы примечательно то, что она содержала 144 артефакта. Кроме 62 писем потомкам от разных авторов сюда были также помещены рисунки, газеты, фотографии, тексты песен, магнитофонные записи, пластинки, кинофильм и даже вещи-реликвии (например, гвардейский значок времен Великой Отечественной войны, найденный «красными следопытами»). Авторство помещенных в капсулу писем очень разнообразно и, во-первых, ярко иллюстрирует преемственность поколений, а во-вторых, показывает широту и разнообразие круга общения новороссийских «шхунатиков». Так, письмо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576.

от имени 2-летней девочки Аллы Корниенко написали её молодые родители. Школьники и студенты писали письма не только от своего имени, но и от имени героев, погибших в Новороссийске в 1942–1943 гг. Также имелись послания от представителей среднего поколения и ветеранов, в том числе от 63-летнего летчика-испытателя, дважды Героя Советского Союза Константина Коккинаки. На просьбу юных новоросийцев прислать письма и материалы для закладки в капсулу откликнулись адмиралы Лев Владимирский и Георгий Холостяков, поэты Михаил Матусовский и Лев Ошанин, композитор Оскар Фельцман, диктор Юрий Левитан, актриса Ружена Сикора и другие известные в стране личности, а также представители военно-патриотических клубов Москвы, Перми, Туапсе, Феодосии, Харькова. Кроме того, в технических процессах по изготовлению, подготовке и закладке капсулы на общественных началах участвовали специалисты практически всех крупных предприятий Новороссийска [3, л. 2–9].

Этот и многие другие примеры свидетельствуют о наличии особой духовно-культурной атмосферы, которая существовала в ряде городов Причерноморья (Севастополе, Новороссийске, Керчи) и формировалась во многом благодаря индивидуальной и коллективной памяти о героических событиях прошлого. Не случайно все эти города были удостоены высшего звания отличия «город-герой», но в случае Севастополя фактически это произошло в 1945 г., а юридически – в 1965 г., тогда как Керчь и Новороссийск получили данный статус в 1973 году. Уже существует несколько исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных феномену особого городского менталитета жителей Севастополя [4–5] и Новороссийска [6–9] – городов, которые (как и Керчь) в 1941–1944 гг. из-за интенсивных боев были практически полностью разрушены, а после освобождения в буквальном смысле «возрождались из руин». Однако до настоящего времени не предпринималось попыток проанализировать взаимосвязь воспитательных практик и мемориальных традиций в названных выше городах-героях не только в ретроспективной динамике, но и в сравнительной перспективе. Именно поэтому целью данной статьи является характеристика основных форм и методов патриотического воспитания, практиковавшихся в послевоенные годы в Севастополе, Керчи и Новороссийске и связанных с памятью о Великой Отечественной войне. В качестве основных источников будут использованы документы центральных и местных архивов, а также тексты публичного дискурса – публикации в советской прессе, справочно-информационные и методические издания.

Ключевыми объектами для проведения гражданско-патриотических мероприятий для разных социально-профессиональных категорий и возрастных групп населения являлись памятники и мемориальные комплексы, которые в послевоенный советский период выполняли целый комплекс общественно значимых функций [подробнее см.: 10]. Помимо праздничных митингов и политических собраний, рядом с мемориалами проводились торжественные ритуалы приема в пионеры и комсомольцы, вручения паспортов, проводов в армию [см., например: 11], появилась традиция их посещения молодоженами в день бракосочетания. В тексте одной из популярных среди севастопольцев песен были

такие слова: «На Малахов курган мы сегодня пришли, / Знамя наших отцов мы сюда принесли. / Перед знаменем этим и Вечным огнем, / Присягая Отчизне, мы клятву даем...» [12, с. 23].

Вечный огонь на Малаховом кургане в Севастополе, первый в Крыму и один из первых в стране, был зажжен 22 февраля 1958 г. Вскоре, 15 сентября 1958 г., Вечный огонь был зажжен на Площади Героев в Новороссийске и 9 мая 1959 г. – на горе Митридат в Керчи. Во время празднования 25-летия Победы в 1970 году на Сапун-горе появился второй в Севастополе Вечный огонь. По примеру города-героя Волгограда, у Вечных огней и других крупных мемориальных комплексов были организованы школьные Посты № 1, причем право участвовать в почетном карауле получали только лучшие учащиеся. В Севастополе такой постоянно действующий мемориальный Пост № 1 появился в 1973 г., причем находился не на Малаховом кургане или на Сапун-горе, а в общественном центре города – у Мемориала участникам героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. на площади Нахимова [12, с. 13].

Появлялись и другие мемориальные традиции, многие из которых возникли во второй половине 1960-х гг., после инициированного Л. И. Брежневым повышения символического статуса Великой Отечественной войны в советской исторической политике. Именно тогда активизируется процесс, который британский исследователь Эрик Хобсбаум называет «изобретением традиций», понимая под этим термином появление общественных практик ритуального и символического характера, целью которых является внедрение определенных ценностей и норм, а средством достижения цели – регулярное повторение [13, с. 48]. Так, с 1966 г. у новороссийской молодежи возникла традиция водружения красного флага на возвышающейся над городом вершине Сахарная голова – там, где в 1942 г. погиб получивший посмертную известность молодой советский поэт Павел Коган [14]. В ночь с 3 на 4 февраля 1968 г. в Новороссийске по инициативе уже упоминавшегося клуба «Шхуна ровесников» впервые состоялась ставшая уникальной по своему масштабу и общественной значимости военно-патриотическая акция «Бескозырка» [8, с. 36–39]. Керченская традиция ежегодно совершать массовое факельное шествие на гору Митридат вечером 8 мая появилась в 1967 г., когда оно было впервые проведено участниками областного комсомольского слета [15]. Такие ритуалы, как факельное шествие в Керчи, новороссийская акция «Бескозырка», почетный караул у Поста №1 на площади Нахимова в Севастополе, сохраняются до наших дней и давно воспринимаются как неотъемлемая часть городской жизни. В то же время, опыт проведения факельного шествия в Севастополе во время празднования Дня Победы в 1966 г. [16] стал единичной акцией и не перерос в традицию.

Ещё одним типом мемориальных объектов являлись исторические музеи, панорамы, диорамы, картинные галереи. Для рассматриваемых городов-героев была характерна тенденция постепенного укрупнения музейно-выставочных учреждений на муниципальном уровне, что имело не только определенные преимущества в административно-хозяйственном отношении, но и позволило повысить уровень научно-исследовательской, методической, просветительской и издательской

деятельности по сохранению и презентации военного прошлого. В 1960 г. создается Музей героической обороны и освобождения Севастополя, который объединил географически рассредоточенные по территории города объекты показа военно-исторической направленности: Панораму «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» (в годы войны композиция была значительно повреждена и восстановлена только к 1954 г.), Диораму «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» (открыта в 1959 г., реконструирована в 1975 г.), Оборонительную башню Малахова кургана (музеефицирована в 1960 г.). В 1967 г. в состав Музея героической обороны и освобождения Севастополя был также включен Дом-музей севастопольских подпольщиков [17, с. 50–54]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Керчи. Здесь как отдел (филиал) Керченского историко-археологического музея с 1967 г. действовал Музей истории обороны Аджимушкайских каменоломен, а в 1985 г. было открыто два новых обособленных подразделения – картинная галерея народного художника РСФСР Н. Я. Бута «Герои Аджимушкай» и Музей истории Эльтигенского десанта 1943 года [18, с. 60–63].

Кроме того, определенное количество мемориально-исторических музеев и музейных комнат действовало на предприятиях и в учебных заведениях, причём создание большинства из них также пришлось на вторую половину 1960-х гг. В Керчи первые музеи истории предприятий были созданы в 1967 г. на металлургическом комбинате им. П. Л. Войкова и в Керченском торговом порту, а в 1970 г. начал функционировать музей истории стеклотарного завода [19, л. 2]. Тогда же было создано около 30 школьных музеев и музейных комнат. Например, учащиеся керченской школы № 17 имени Героя Советского Союза Веры Белик в 1966 г., за счет самостоятельно собранных средств, установили памятник погибшей в годы войны летчице, а также организовали посвященный ей школьный музей [20, л. 4].

Во всех учебных заведениях и трудовых коллективах регулярно проводились встречи с ветеранами, ставшими источниками «живой памяти» о Великой Отечественной войне [6, с. 21]. Имена некоторых ветеранов и активных участников воспитательной работы с молодежью (например, Марии Байды, Бориса Борисова, Антонины Саринной в Севастополе) стали не просто известными, но и легендарными. В период «перестройки», когда многие прежние идеологические устои советского общества были поставлены под сомнение, ветераны войны по-прежнему старались играть роль духовных наставников подрастающего поколения. Например, обращаясь к севастопольской молодежи в 1988 г. Герой Советского Союза М. К. Байда призывала: «Активно участвуйте в борьбе за светлое будущее, разделите с нами ответственность за завтрашний день страны и своего родного города. В труде и только в труде постарайтесь выразить себя» [12, с. 144].

В поздний советский период среди молодежи широкое распространение получило поисковое («следопытское») движение [подробнее см.: 21], в которое были вовлечены учащиеся всех типов учебных заведений. Ему предшествовала практика неорганизованного сбора военных артефактов детьми и подростками в местах наиболее интенсивных боев, которая началась в 1940-е гг., однако только спустя два десятилетия была постепенно поставлена под определенный контроль и

использована для патриотического воспитания в рамках движения «красных следопытов». С 1960-х гг. было обращено более серьезное внимание на идентификацию обнаруженных останков бойцов Красной Армии, а найденные при них документы и военные реликвии стали передаваться в коллекции школьных, общественных и государственных музеев [см., например: 22]. В 1970–1980-е гг. широкий размах приобрела деятельность героико-патриотических клубов «Поиск» (Севастополь) и «Эльтиген» (Керчь). Найденные экспонаты не только пополняли школьные музеи и комнаты боевой славы, но и становились основой для самостоятельных экспозиций, как было с Музеем истории Эльтигенского десанта [23, с. 177–181]. Также «красные следопыты» активно участвовали в постановке на государственный учет и благоустройстве мест захоронения, расположенных в удаленных, труднодоступных местах, воспринимая это как свой гражданский долг перед павшими героями. Развитие следопытского движения было одним из проявлений местного гражданского активизма, иногда вступавшего в противоречие с государственной политикой памяти и, в определенной степени, способствовало формированию локальной идентичности [21, с. 23].

С 1972 г. Аджимушкайские каменоломни стали местом проведения ежегодной поисковой экспедиции, которая задумывалась как областная, но практически сразу приобрела всесоюзный масштаб. В её организации принимал участие Керченский историко-археологический музей и редакция журнала «Вокруг света», а общее кураторство осуществлял ЦК ВЛКСМ. Определенные материально-технические вопросы функционирования экспедиции обеспечивались армейскими подразделениями Одесского военного округа и рядом керченских предприятий. Активное участие в ней в разное время принимали группы энтузиастов из Керчи, Москвы, Днепропетровска, Одессы, Липецка, Миасса, Ростова-на-Дону, Свердловска, Симферополя и других городов. Участники экспедиции, которая, пережив многие организационные трансформации и исторические коллизии, продолжается до наших дней, постепенно совершенствовали методику исследования и обнаружили огромное количество останков защитников каменоломен, военных реликвий и документов [24, с. 260–272]. 15 мая 1982 г. состоялось торжественное открытие величественной мемориальной композиции у входа в Центральные каменоломни. Как вспоминает один из руководителей экспедиции в 1980–2000-е гг. Владимир Щербанов, именно в 1982 г. он впервые приехал в Аджимушкой из Ростова-на-Дону с целью принять участие в поисковых раскопках во время летних студенческих каникул. Вот как он описывает эту веху своей биографии, ставшую для него переломной: «Выйдя из музея, я... в десяти метрах от подземного заповедника оказался на «дикой» части каменоломен. Два метра от входа – и меня встретили пустые глазницы скелета, скрючившегося у стены. Рядом полуистлевшая лента от бескозырки, обломки оружия, осколки от гранат, минометные мины! <...> Тогда в 1982 г. во мне умер мальчик-идеалист, влюблённый в армию. Умер тяжело, в муках! Умер мальчик-идеалист, но родился Стыд перед погибшими. Вот так я попал в Аджимушкой!» [25, с. 77, 80].

Развивались и весьма специфические формы поисковой работы, например, деятельность по реставрации найденной боевой техники (самолеты, танки,

«Катюши», десантные катера) периода Великой Отечественной войны. Такая практика, требующая специального оборудования и профессиональных навыков, была в большей степени характерна для трудовых коллективов, а не учебных заведений. Например, в Новороссийске энтузиасты из числа рабочих судоремонтного завода подняли со дна Цемесской бухты и восстановили аутентичный внешний вид подбитого в годы войны советского самолета-штурмовика «Ил-2», который в 1980 г. был установлен на постаменте в непосредственной близости от мемориального комплекса «Малая земля» [26, с. 25–26].

Значительное количество мемориальных мероприятий было связано с искусством. Особенно активной была такая деятельность в связи с годовщинами и юбилеями памятных дат. Например, во время празднования 30-летия Победы в мае 1975 г., в Новороссийске был проведен Всесоюзный фестиваль военно-патриотической песни «Вставай, страна огромная» в котором приняли участие известные поэты, композиторы, солисты, вокальные, вокально-инструментальные и хоровые коллективы страны [27, л. 193–195]. Основной формой работы библиотек являлась организация книжных выставок и читательских конференций [см., например: 28, л. 51]. В ходе празднования 40-летия Победы в Севастополе городские кинотеатры не только демонстрировали большое количество художественных и документальных фильмов о Великой Отечественной войне, но также организовывали творческие встречи с создателями некоторых из этих кинопроизведений и даже создавали специальные клубы зрителей, имевшие героико-патриотическую направленность («К защите Родины – готов!», «Мы севастопольцы», «Великий Подвиг бессмертен!», «Воин – герой экрана») [29, л. 38–39].

Особый интерес вызывали мероприятия военно-патриотической направленности, связанные со спортом, туризмом и экскурсионным делом. С 1960-х гг. молодежь Новороссийска проводит традиционные походы по местам партизанских боев (т.н. «комсомольские поляны»). Активными участниками военно-исторических мероприятий были юные моряки Севастопольской детской морской флотилии [12, с. 104–111]. Регулярно проводились военно-патриотические игры школьников «Зарница» и «Орленок» [30, л. 6].

Большую работу не только с приезжими, но и с местными жителями проводили городские экскурсионные организации. Севастопольское бюро путешествий и экскурсий (СевБПиЭ) по масштабам своей деятельности занимало одно из ведущих мест среди аналогичных организаций СССР. Например, в 1977 г. Бюро было обслужено 3,5 млн. экскурсантов [31, с. 29]. Коллективом СевБПиЭ было разработано в общей сложности более 150 экскурсионных маршрутов, значительная часть которых имела историко-патриотическую направленность. Многие из которых были посвящены событиям Великой Отечественной войны: «Город-герой Севастополь», «Корабли Черноморского флота в обороне Севастополя», «Дорогами славы отцов», «Их подвиги бессмертны», «250 дней в огне», «Герои коммунистического подполья», «Славный путь севастопольской пионерии», «Огонь ведут гвардейцы 35-й», «Летчики-черноморцы», «Солдаты Дзержинского на

рубежах Севастополя» и др. [см.: 32]. Особое внимание уделялось обслуживанию детских и молодежных групп. Системная экскурсионная работа велась также среди личного состава военно-морского флота, курсантов военно-морских учебных заведений [33, л. 10].

Керченское экскурсионное бюро также организовывало многочисленные экскурсии военно-исторической и героико-патриотической тематики («Керчь – город-герой», «Огненная земля Эльтигена», «Герои Аджимушкая», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Пионер-герой Володя Дубинин», «По местам боев северо-восточнее Керчи», «Герои и подвиги бессмертны» и др.) [34, с. 101]. В 1974 г. по таким военно-историческими маршрутами в Керчи прошло свыше 40 тыс. экскурсантов, причем специально к 30-летию освобождения Крыма был разработан новый маршрут «Керчь и Новороссийск – города-побратимы» [33, л. 49, 52].

Одной из особенностей советской официальной мемориальной политики являлось то, что память о войне активно использовалась для трудовой мобилизации, направленной на увеличение производительности труда. Лучшим производственным бригадам предприятий и спущенным на воду морским судам присваивались имена погибших в годы войны героев. В 1965 г. возникла инициатива присваивать производственным бригадам предприятий имена погибших в годы войны героев, а также символически включать их в трудовой коллектив с перечислением начисленной зарплаты в Фонд мира. Одними из первых этот почин поддержали работницы Севастопольской швейной фабрики имени Героя Советского Союза Нины Ониловой [35, л. 25]. Память о героях Великой Отечественной войны увековечивалась также благодаря памятникам и памятным доскам, музеям и комнатам боевой славы на предприятиях. Регулярно проводились трудовые «вахты памяти», субботники по благоустройству мемориальных объектов [см., например: 12, с. 95]. Однако данная проекция исторической памяти носит специфический характер и, на наш взгляд, требует самостоятельного исследования.

Впрочем, было бы необъективно рассматривать данный вид деятельности исключительно в идилическом контексте. В реальности, безусловно, имели место случаи формализма и попыток искусственного завышения количественных показателей, связанных с проведением военно-патриотических мероприятий. Также имели место случаи, когда отдельные представители молодежи городов-героев, на которых была направлена основная воспитательная деятельность, совершали откровенно антиобщественные поступки. В 1969 г. Комитетом государственной безопасности (КГБ) в городе Севастополе была выявлена тайная антисоветская группа – «Организация прогрессивной севастопольской молодежи». Молодые участники группы в возрасте 17–20 лет выступали за либерализацию общественной жизни в СССР и не только тайно распространяли соответствующие листовки, но и «намеревались осуществить поджог портретов руководителей партии и правительства, а также праздничной трибуны на майских торжествах» [36, л. 38–39]. Причём лидером этой группы являлась Мария Виргинская – дочь контр-адмирала В. Н. Виргинского и внучка адмирала, Героя Советского Союза Ф. С. Октябрьского, который командовал Черноморским военно-морским флотом в период Великой Отечественной войны.

Осенью 1970 г. двое керчан того же возраста захватили следовавший по маршруту Керчь – Краснодар пассажирский самолет и осуществили посадку на территории Турции, где сдались местным властям и попросили политического убежища. Как утверждал автор одной из докладных записок, подготовленных советскими органами власти в связи с этим инцидентом, «вышеуказанное преступление являлось следствием влияния ... буржуазной пропаганды через заграничные радиостанции и выставки, а также упущений в их воспитании» [37, л. 24]. Но всё же такие факты были единичными и в целом не ставят под сомнение эффективность той колоссальной воспитательно-патриотической работы, которая проводилась среди севастопольцев, керчан и новороссийцев в рассматриваемый период.

Таким образом, связанная с коллективной памятью о Великой Отечественной войне воспитательно-патриотическая работа в городах-героях Причерноморья, которая резко активизировалась с середины 1960-х гг., отличалась массовой вовлеченностью различных поколений и категорий населения, системностью, разнообразием, общностью взглядов на события прошлого, в основном совпадавших с основными трендами государственной мемориальной политики. Также в значительной степени можно говорить о ритуализации мемориальных практик, когда всё связанное с героической памятью о Великой Отечественной войне приобретало явные признаки «светской сакральности». Такие общие тенденции имели место во всех рассмотренных нами приморских городах, несмотря на то, что с 1954 г. в административно-территориальном отношении они относились к разным союзным республикам (РСФСР и Украинской ССР) и официально получили статус городов-героев в разное время.

Список использованных источников и литературы

1. Подыма К. И. Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»! – М.: Детская литература, 1975. – 127 с.
Podyma K. I. Schastlivogo plavanija, «Shhuna rovesnikov»! – М.: Detskaja literatura, 1975. – 127 s.
2. Емельянов С. Военная тайна Мальчиша-Кибальчиша // Родина. – 2017. – № 11. – С. 82–87.
Emel'janov S. Voennaja tajna Mal'chisha-Kibal'chisha // Rodina. – 2017. – № 11. – S. 82–87.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 34, д. 196.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. M-1, op. 34, d. 196.
4. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. – 188 p.
5. Сибиряков И. В. Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. – 2016. – Т. 1, № 10. – С. 197–208.
Sibirjakov I. V. Sevastopol' i sevastopol'cy: problemy lokal'noj sovetskoj identichnosti // Diskursologija: metodologija, teorija, praktika. – 2016. – Т. 1, № 10. – S. 197–208.
6. Кринко Е. Ф. Войны XX века в исторической памяти Юга России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 17–25.
Krinko E. F. Vojny XX veka v istoricheskoj pamjati Juga Rossii // Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Penza: Izd-vo PGU, 2016. – S. 17–25.
7. Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Причерноморья: советский опыт и преемственность традиций // История и современное развитие Причерноморья в

контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей Российской цивилизации: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 498–502.

Popov A. D. Pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v gorodah-gerojah Prichernomor'ja: sovetskij opyt i preemstvennost' tradicij // Istorija i sovremennoe razvitie Prichernomor'ja v kontekste formirovanija patriotizma i ukrepljenja cennostej Rossijskoj civilizacii: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2018. – S. 498–502.

8. Юрина Т. И. Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 35–39.

Jurina T. I. Novorossijskij fenomen vosprijatija dejstvitel'nosti cherez prizmu voennoj pamjati // Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Penza: Izd-vo PGU, 2016. – S. 35–39.

9. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. – London: I.B. Taurus, 2018. – 351 p.

10. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Исторические науки и археология». – 2019. – № 2. – С. 55–62.

Popov A. D., Roman'ko O. V. Pamjatniki Velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkcij i praktik // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki i arheologija». – 2019. – № 2. – S. 55–62.

11. Белая С. «Все, что было не со мной, помню» // Новороссийский рабочий. – 1974. – 6 сентября.

Belaja S. «Vse, chto bylo ne so mnoj, pomnju» // Novorossijskij rabochij. – 1974. – 6 sentjabrja.

12. Равнение на подвиг: Сборник / Авт.-сост. Кузьмина В. Г., Орлова Г. В., Ищенко Г. Г. – Симферополь: Таврия, 1988. – 144 с.

Ravnenie na podvig: Sbornik / Avt.-sost. Kuz'mina V. G., Orlova G. V., Ishhenko G. G. – Simferopol': Tavrija, 1988. – 144 s.

13. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

Hobsbaum J. Izobretenie tradicij // Vestnik Evrazii. – 2000. – № 1. – S. 47–62.

14. Подольский А. Автору «Бригантины» // Литературная газета. – 1968. – 25 декабря.

Podol'skij A. Avtoru «Brigantiny» // Literaturnaja gazeta. – 1968. – 25 dekabrja.

15. Поженян Г. Камни Аджимущкая // Известия. – 1967. – 24 октября.

Pozhenjan G. Kamni Adzhimushkaja // Izvestija. – 1967. – 24 oktjabrja.

16. Ищенко Г. Севастополь // Правда. – 1966. – 10 мая.

Ishhenko G. Sevastopol' // Pravda. – 1966. – 10 maja.

17. Никитина И. В. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. История становления и развития музейного комплекса // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 116. – С. 50–55.

Nikitina I. V. Muzej geroicheskoj oborony i osvobodzenija Sevastopolja. Istorija stanovlenija i razvitija muzejnogo kompleksa // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 116. – S. 50–55.

18. Музей Крыма: Путеводитель / Сост. В.Н. Барбух. – Симферополь: Таврия, 1988. – 144 с.

Muzej Kryma: Putevoditel' / Sost. V.N. Barbuh. – Simferopol': Tavrija, 1988. – 144 s.

19. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-2865, оп. 2, д. 306.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-2865, op. 2, d. 306.

20. ГАРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 247.

GARK, f. R-2865, op. 2, d. 247.

21. Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. – 2018. – № 37. – С. 20–53.

Mel'nikova E. A. Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-h gg. v SSSR // Antropologicheskij forum. – 2018. – № 37. – S. 20–53.

22. Иконников Ю. Сергей Надтока «Может одни мы только и знаем о нем...» // Смена. – 1975. – № 1. – С. 1–3.

Ikonnikov Ju. Sergej Nadtoka «Mozhet odni my tol'ko i znaem o nem...» // Smena. – 1975. – № 1. – S. 1–3.

23. Славин Н. А. Эльтиген. Взгляд сквозь десятилетия. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – 184 с.
Slavin N. A. Jel'tigen. Vzgljad skvoz' desjatiletija. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2004. – 184 s.
24. Демиденко О. И., Симонов В. В. Военно-поисковая экспедиция «Аджимушкой»: страницы истории // Открывая тайны Аджимушкай: сборник / Под ред. В. К. Щербанова. – Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 2012. – С. 257–272.
Demidenko O. I., Simonov V. V. Voenno-poiskovaja jekspedicija «Adzhimushkaj»: stranicy istorii // Otkryvaja tajny Adzhimushkaja: sbornik / Pod red. V. K. Shherbanova. – Rostov-na-Donu: Prof-Press, 2012. – S. 257–272.
25. Щербанов В. Вхождение в тайну // Там же. – С. 73–81.
Shherbanov V. Vhozhenie v tajnu // Tam zhe. – S. 73–81.
26. Орлов В. Слово – часовой истории // Техника – молодежи. – 1981. – № 2. – С. 22–26.
Orlov V. Slovo – chasovym istorii // Tehnika – molodezhi. – 1981. – № 2. – S. 22–26.
27. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 883.
RGASPI, f. M-1, op. 34, d. 883.
28. ГАРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 498.
GARK, f. R-3319, op. 1, d. 498.
29. Там же, ф. П-1, оп. 10, д. 211.
Tam zhe, f. P-1, op. 10, d. 211.
30. Там же, ф. П-220, оп. 1, д. 420.
Tam zhe, f. P-220, op. 1, d. 420.
31. Шувалова З. Е. Использование экскурсионно-туристической работы в системе патриотического воспитания трудящихся // Экскурсии миллионов: актуальные задачи экскурсионной работы в свете решений XXV съезда КПСС. – Киев: Реклама, 1978. – С. 29–33.
Shuvalova Z. E. Ispol'zovanie jekskursionno-turisticheskoy raboty v sisteme patrioticheskogo vospitanija trudjashhihsja // Jekskursii millionov: aktual'nye zadachi jekskursionnoj raboty v svete reshenij XXV s'ezda KPSS. – Kiev: Reklama, 1978. – S. 29–33.
32. Севастополь: перечень экскурсий, маршрутов выходного дня и путешествий. – Севастополь: Б. и., 1983. – 63 с.
Sevastopol': perechen' jekskursij, marshrutov vyhodnogo dnja i puteshestvij. – Sevastopol': B. i., 1983. – 63 s.
33. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 474.
GARK, f. R-3512, op. 1, d. 474.
34. Славич С. К. Город-герой Керчь: очерк-путеводитель. Изд. 2-е, доп. – Симферополь: Таврия, 1976. – 104 с.
Slavich S. K. Gorod-geroj Kerch': ocherk-putevoditel'. Izd. 2-e, dop. – Simferopol': Tavrija, 1976. – 104 s.
35. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 32, д. 1193.
RGASPI, f. M-1, op. 32, d. 1193.
36. ГАРК, ф. П-1, оп. 4, д. 503.
GARK, f. P-1, op. 4, d. 503.
37. Там же, д. 633.
Tam zhe, d. 633.

Popov A. D. «With memory in heart»: patriotic education and memorial traditions in the hero cities Sevastopol, Kerch and Novorossiysk (1950-1980)

In the article on the basis of a wide range of the archival and published sources the main forms and methods of the patriotic education in Sevastopol, Kerch and Novorossiysk which were connected with the memory of the Great Patriotic War are characterized. On the basis of the comparative analysis of the main institutional forms (memorial, museum, search, spectacular, tourist, excursion, sports) and the ritual practices of a commemoration, the author comes to a conclusion that educational and patriotic work in the hero cities of Black Sea Coast differed in the mass involvement of various generations and categories of the population, system, a variety, similarity of views of past events. The period of acute activation of such activity occurs in

С ПАМЯТЬЮ В СЕРДЦЕ»: ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ
ТРАДИЦИИ В ГОРОДАХ-ГЕРОЯХ СЕВАСТОПОЛЬ, КЕРЧЬ И НОВОРОССИЙСК...

the second half of the 1960s. In general, the patriotic education and memorial traditions in all mentioned cities developed within the general canon in spite of the fact that since 1954 in the administrative-territorial relation they belonged to two different federal republics and officially received the status of hero cities in different years.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, Hero City, education, patriotism, memorial culture, USSR.